

36. Там же. Д. 30. Л. 54.
37. Состояние и работа местных органов НКВД (по материалам с I/X 29 г. по I/II 30 г.) // Административный вестник. 1930. №4. С. 60-61.
38. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 61. Л. 213.
39. ГАСО. Ф. Р-854. Оп. 3. Д. 2. Л. 27, 27 об.; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг. Т. 1. С. 59, 60, 65; Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900-1984 гг. Документы и материалы. В 2-х т. / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. Т. 2. С. 16, 19, 20, 78, 91.
40. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928 – 1934 гг. Т. 1. С. 51, 106; Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Т. 2. С. 104, 105; Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.). М., Т. 3. Ч. 2. 2001. С. 543, 544, 616, 624; Что должны помнить прокуроры и судьи. С. 15.
41. ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1893 а. Л. 105, 106.
42. Садовников И. За классовую чистоту в революционной законности // Известия Уральского областного исполнительного комитета. 1930. №24-25. С. 26-28.
43. В районе сплошной коллективизации // Административный вестник. 1930. № 4. С. 60-61.
44. Кизилев И.И. НКВД РСФСР (1917–1930). М., 1969. С. 149.
45. К истории милиции на Среднем Урале / Под. ред. А.А. Торшенко Свердловск, 1988. С. 61-62.

Шестова Т.Ю.
(Пермь)

**Санитарно-бытовые условия уральских школ
в конце XIX – начале XX вв.**

Общеизвестно, что система обучения с точки зрения бытовых условий, перегрузки школьных программ негативно влияет на становление молодых организмов школьников и освоение знаний дается учащимися дорогой ценой. Проблема санитарно-бытовых условий обучения была всегда характерна для школьной практики.

Главнейшим условием обучения является само здание школы. С введением земства в Пермской губернии школы чаще всего размещались в общественных либо купленных земством домах. При приспособлении купленных зданий порой возникали проблемы. Так оказалось, «в одном из уездов, что при перестройке школы бывшее ранее отхожее место с выгребной ямой превратилось класс» (1).

Поэтому земство с 80-х гг. XIX в. предпочитало строить специальные помещения с прицелом на будущее (2). Уже в 1871 г. встал вопрос об общежитиях для беднейших детей из отдаленных районов, которым приходилось жить в школе. К 1883 г. существовало только одно заведение подобного рода открытое учителем П.С. Топорковым в с. Зайковском, но его опыту тогда никто не последовал. С начала XX в. строительство общежитий началось, но не при народных школах, а при гимназиях и уездных училищах. Причина заключалась в недостатке материальных средств.

В 1912 г. съезд врачей рассматривал сводную таблицу по описанию школьных зданий, предложенных К.А. Бирюковым (3). При изучении санитарно-гигиенических условий школ рассматривалось расположение школы на возвышенности или низине, отдаленность ее от улицы, общественных мест, наличие поблизости винных лавок, местоживание медицинского персонала, способного оказать помощь детям. В 1912 г. прошло обследование 102 школ. 45 из них находились в специализированных зданиях, 52 – в нанятых, 4 – в общественных, 7 – в частном. 28 школ были расположены по требованиям архитектуры на возвышенных, обдуваемых местах. В абсолютном большинстве домов не было приспособлений для очищения ног, раздевалок, что снижало ценность расположения зданий (4). В 1914 г. было обследовано 900 школ, среди которых по местонахождению, первенствовали школы Кунгурского и Чердынского уездов (5).

Из-за вакансий санитарных врачей в 1914 г. полноценного осмотра школ провести не удалось. Только половина уездов представила сведения о школьных зданиях. Собственные здания имели в Кунгурском уезде 50 % школ, в Красноуфимском – 49,3%, в Оханском – 35%, в Чердынском – 23 %, в Пермском – 25 %. «Число школ увеличивается с каждым годом, но санитарное их состояние пропорционально ухудшается». Это происходило из-за того, что школьная сеть шла вглубь уездов. Только с 1910 г. началась вторая после 80-х гг. XIX в. волна строительства школьных зданий.

Параметры школ пересматривались в 1892, 1912 и в 1914 гг. Большое внимание уделялось объему воздуха и вентиляции. Желательная высота класса должна была достигать 4–4,25 м. Этому параметру соответствовало 24% школ. Требуемому объему воздуха (230-250 куб. м) соответствовало 33,5% школ. Вентиляция везде была признана неудовлетворительной. «Воздух в классах иногда бывает

настолько испорчен, что прямо тем доводит до одури». Освещение через окна при направлении света слева и сзади отмечалось у 46,3% зданий. Через два года позиции не изменились – неправильно освещалось помещение в 65% школ. Отопление голландками в 70% отмечалось в одном Кунгуре, а в Пермском уезде их практически не было (6). 18% школ не имели туалетов, практически все остальные были холодными, без деления на туалеты для девочек и мальчиков (7). Только гимназии обладали теплыми ватер-клозетами.

Но даже в гимназиях санитарные условия не всегда соответствовали требованиям. В отчете за 1916 г. о состоянии Чердынской женской гимназии отмечалось, что классы переполнены. В одних комнатах холодно, в других слишком жарко, нет помещения для библиотеки, физического кабинета, рукодельной комнаты. По требованиям гигиены на одну ученицу должно приходиться не менее 0,6 куб. м воздуха, однако не везде эта норма соблюдалась. Некоторые классы были недостаточно освещены (8).

В 1920 г. обследование начальных школ показало, что при слабом свете находится 9 школьников из 10. В переполненных помещениях с недостаточным обеспечением воздухом обучалось более 4/5 школьников. Из 124 обследованных классов лишь 21 удовлетворял требования гигиены (9).

Проблемой многих школ была гигиена. Еще в 70-е гг. XIX в. санитарным врачом В.О. Португаловым было составлено «Краткое руководство по гигиене для фельдшеров и сельских учителей». Через десятилетие другой санитарный врач А. Н. Радаков составил для земских учителей пособие «Гигиена учеников сельских школ» (10). В многочисленных отчетах отмечалось, что почти все школьники имеют кожные заболевания по причине нечистоплотности (11). Земцы, проверяющие школы, отмечали: «Обучающиеся дети производят нечистоты, от коих удержать их нет средств» (12). В 1912 г. из 102 школ Кунгурского уезда только в одной производилась ежедневная уборка, в 83 мытье пола осуществлялось 1 раз в неделю, в других школах – 1 раз в месяц (13). Мытье полов проводилось редко из-за права владения в наемных домах (14).

Школа стала совместным полем деятельности врачей и учителей. Самым авторитетным трудом в этой области стало «Антропологическое исследование школьников» Р.Н. Румы на примере Пермской и Вятской губерний. Последствиями учебы в школе Р.Н. Рума называл искривление осанки и падение зрения из-за

плохого освещения, мебели, плохой полиграфии и рукоделий в женских школах (15). Существовавшие ранее измерения Вилямовского (Петербург) и А.А. Романова (Вятка) имели погрешности, поэтому работа Р.Н. Румы считалась первой научным исследованием в России. Дети дворян имели наибольший рост, наименьший был у мещан. Крестьяне по росту опережали мещан по ряду причин – физических нагрузок, чистого воздуха, хлеба своего производства.

В начальных училищах находились дети из бедных семей. Материальный доход определил рост вятских детей ниже среднего. До 7 лет рост мальчиков Пермской губернии на 2 см превышал бельгийских сверстников, т.к. хилые дети, выхаживаемые в Бельгии, в России умирали на первом году жизни. Далее в силу вступал социальный фактор, и к 9 годам разница в росте в пользу Бельгии достигала уже 4,7 см. Р.Н. Рума предполагал, что школа наносит вред здоровью детей и требуется коренная реформа ее состояния (16).

В 1891 г. видный общественный деятель врач Н.П. Серебренников предполагал наполняемость классов в епархиальном училище не более 42 человек. В это же время инструкция пермской дирекции народных училищ рекомендовала наполняемость до 50 человек. В 1914 г. нормативы составляли: для классов в собственных зданиях 30-50 человек, приспособленных к обучению – 20-40, в наемных – по возможности (17). Время урока в 1916 г. определялось 55 минутами, хотя еще в конце XIX в. Н.П. Серебренников и М.М. Кенигсберг предлагали сократить урок до 45-50 минут и постепенно удлинять перемены к концу дня. К вопросу длительности перемен обращался и съезд пермских врачей в 1912 г. (18).

Уже в конце XIX в. отчет пермского губернатора 1894 г. отмечал пагубность перегрузок. «Молодежь наша, здоровье которой в значительной мере потрачено еще в стенах классических гимназий, едва ли может выдвинуть из своей среды деятелей, по характеру и убеждениям стойких, полезных и вообще желательных» (19).

Разруха времен I Мировой и Гражданской войн лишила школьников части зданий, изъятых под военные нужды. Успеваемость резко упала. В одной классной комнате находились разновозрастные дети, что отрицательно сказывалось на учебе и дисциплине. Уже тогда учителя отмечали серьезные пробелы в знаниях школьников по физике, математике и русскому языку.

Во время Гражданской войны председатель школьно-санитарного бюро Отдела народного образования доктор В.В. Рахманов рекомендовал к внедрению программы для исследования здоровья и физического развития детей. Он же был инициатором создания в 1919 г. школы для отсталых детей (20).

Важной формой сохранения здоровья детей стало школьное питание. Еще в конце XIX в. П.Н. Серебренников доказывал его необходимость. «Многие из них положительно систематически голодают и истощаются, и делаются таким путем крайне восприимчивыми к всяким заболеваниям, в особенности заразными болезнями» (21). Ввести эту практику на Урале не удалось, родоначальницей этой инициативы считается Англия (1892 г.)

В 1907 г. врач А.П. Штейфельд поставил перед съездом врачей вопрос о питании школьников. «Дети очень интересуются, чем их накормят. Голодная и холодная школа не так заманчива» (22). Фининсирование обеспечивали земства, организацию – учителя, контролировали – врачи.

Неоднократно поднимала эту проблему санитарный врач Шадринского уезда Р.А. Егоровская. Впервые 500 руб. на «школьный приварок» (как называлась горячее блюдо) уездное земство выдало в 1912 г. Из-за слабого финансирования детей кормили только во время постов, «когда обычное сокращение к весне пищевых запасов у крестьян и продолжительное постничество истощают детей всего резче, ведя к заболеванию куриной слепотой и малокровием». Завтраки были введены в 11,1 % школ (20 школ) при стоимости питания 0,9 коп. в день на человека. С мест сразу пошли отзывы, что дети не пропускают занятий, выглядят бодрее, стали внимательнее. Р.А. Егоровская рекомендовала на 1914 г. профинансировать все школы не менее чем на 3600 руб., завести огороды, поднять питательность еды, изначально строить школы с кухнями. В 1913 г. питание было налажено уже в 40 школах. Появился и незапланированный воспитательный эффект – девочки, помогающие готовить, учились в школе кулинарии и навыкам чистоты.

Но врачи уже с меньшим энтузиазмом смотрели на ситуацию. Крестьяне по-прежнему не принимали участие в питании школьников. Акция рассматривалась теперь только как возможность приучить взрослых через детей к правильному питанию. Но и этому мешал материальный фактор. Питание вводилось в школы только в посты на срок около 35 дней в году. Для снижения стоимости пищу

давали растительную, снизив калорийность с 42,3 % суточных калорий до 38,9 % (23). Проверка школ указала на недостаточность питания большинства детей как в гимназиях, так и в народных школах, намного слабее финансируемых. Так, из 622 человек хорошее питание получали 264 ученика, среднее — 293 и 66 человек — слабое (24). Повсеместно не обеспечивалась чистота питьевой воды, правила предоставления которой были обозначены еще в конце XIX в. (25).

Школы в любой момент могли стать источником распространения эпидемических болезней. Во время сильнейшей эпидемии холеры 1893 г. екатеринбургский городской врач эпизодически посещал народные школы, контролируя здоровье детей, «принимая в потребных случаях меры к предупреждению распространения заразительных и прилипчивых болезней» (26). По обязательным санитарным правилам губернского земства 1896 г. больные дети и находящиеся с ними в контакте сверстники «не допускались к учебе без справки врача или фельдшера в школы» (27).

Земства часто отказывали врачам в посещении школ: «Присутствие врачей при обсуждении школьных дел совершенно излишне». Земцы разрешали осмотры школьников, но отказывали в записи параметров, т.к. практическая борьба с заболеваниями казалась им невозможной. Н.М. Воскресенский требовал введения должности школьно-санитарных врачей и «вхождение санитарного врача в училищный совет с решающим голосом» (28).

Таким образом, проблема санитарно-бытовых условий школы решалась не одно десятилетие исходя из программных постулатов начала XX в. На санитарно-гигиеническое состояние российских школ было направлено пристальное внимание государства. Этот государственный подход по-прежнему позволяет удержать определенный санитарный уровень и в современных школах. Однако материальный уровень населения современной России приводит к вынужденному отказу детей от школьного питания, некачественному питанию в домашних условиях, не у всех родителей есть возможность купить ребенку форменную одежду и вторую обувь, подготовить к поступлению в вуз. Бытовые условия жизни большинства населения возвращают нас к проблематике санитарно-бытовых условий начала XX в.

1. Воскресенский Н.М. Санитарное состояние школ Пермской губернии // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. Пермь, 1914. № 5-6. С. 246.

2. Народное образование в Ирбитском уезде с 1870 по 1883 годы // Сборник пермского земства. Пермь, 1883. № 5. С. 13.
3. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. Пермь, 1912. № 6. С. 15.
4. Чарушин В.А. Школы Кунгурского уезда в санитарном отношении // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. Пермь, 1912. № 6. С. 6.
5. Воскресенский Н.М. Указ. соч. С. 244.
6. Там же. С. 244, 243, 249, 248.
7. Чарушин В.А. Указ. соч. С. 9, 13, 21, 25.
8. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 693. Оп. 1. Д. 41. Л. 80.
9. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 150.
10. ГАПК. Ф. 617. Оп. 2. Д. 687. Л. 16; Радаков А. Н. Сборник медико-топографических и санитарных сведений о Вятской губернии. Вятка, 1878. С. 249.
11. ГАПК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 41. Л. 80.
12. ГАПК. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 23.
13. Чарушин В.А. Указ. соч. С. 29.
14. Воскресенский Н.М. Указ. соч. С. 250.
15. Рума Р.Н. Антропологические исследования материалов для определения физического развития учащихся. Пермь, 1881. С. 6, 8, 11-12.
16. Доклад профессора А. Доброславина Совету общества охранения народного здравия о трудах г. Рума. Б. г. и б. м., 1886. С. 6.
17. Инструкция для начальных народных училищ Оренбургского учебного округа. Пермь, 1914. С. 1-2.
18. Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. Пермь, 1912. № 6. С. 15.
19. ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 54. Л. 15.
20. Трудовая школа. 1918, № 5, 23 октября. С. 1; Свободная трудовая школа. 1919. № 4. С. 30.
21. Серебренников П.Н. Вниманию добрых людей, сочувствующих начальному народному образованию в г. Перми. Б. г. и б. м. С. 2.
22. Штейфельд А.П. К вопросу о сохранении здоровья школьников // Труды IX съезда врачей Пермской губернии (15-24 мая 1907). Ч. 2. Пермь, 1907. С. 25.
23. Егоровская Р.А. О школьном приварке в начальных школах Шадринского земства // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. Пермь, 1912. № 6. С. 2, 7, 8; Она же. Отчет по устройству горячего приварка в начальных школах Шадринского уезда в зиму 1913- 1914 гг. // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. Пермь, 1912. № 6. С. 393, 396.
24. Отчет по народному образованию за 1913-1914 учебный год. Пермь, 1915. С. 33.

25. Воскресенский Н.М. Указ. соч. С. 249.
26. ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 90. Л. 45.
27. Журналы Пермского губернского земского собрания 28 чрезвычайной сессии с докладами управы и комиссий сему собранию. Пермь, 1896. С. 11.
28. Воскресенский Н.М. Указ. соч. С. 253, 256.